

Небо голубое, птицы радостно щебечут в тонких утренних лучах, делая весеннее утро чуть более свежим и тёплым.

Освежившись, Цзинсюань вышел из своей палатки. Прошлой ночью Император приказал ему временно вернуться в столицу, чтобы разобраться с некоторыми неотложными делами. Он хотел уехать пораньше, поэтому встал раньше обычного.

Рядом с потухшим костром он увидел её.

Она опиралась на высокую кучу войлока, но свернулась в клубок, производя впечатление необъяснимой слабости и беспомощности. Её голова была прижата к войлоку, а полоска слёзных пятен всё ещё виднелась на её красивых стройных щеках, придавая ощущение мягкости. Необъяснимая жалость и чувство вины подступили к горлу, заставив его сжать кулак.

Он смотрел на неё и чувствовал себя странно.

Когда она улыбалась ему, когда смотрела на него спокойно, когда с большим умом вознаграждала императорского лекаря, когда подбирала грязную пищу; во всём этом он не был слишком удивлён. Но в этот момент... он вдруг понял, что как бы она его ни раздражала, она всё ещё была маленькой девочкой.

Он никогда не думал, что она будет выглядеть такой хрупкой. Он намеренно сказал так много вещей, которые могут причинить ей боль; сделал так много вещей, которые могут повлиять на неё, потому что в прошлом она не давала ему никакого лица и без конца приставала к нему.

Но как она может выглядеть уязвимой сейчас, когда она всегда издевалась над другими и причиняла им боль?

Он подумал о той ране на её руке, о её суровых криках, когда ей снились кошмары посреди ночи. Он нахмурился, потому что какое отношение всё это имело к нему?

Разве он велел ей затоптать ту старушку до смерти? Он просил её красоваться везде и создавать проблемы, чтобы вызвать гнев Бога?

Да. Чтобы избавиться от помолвки Лао Цзунун, он забросал камнями того человека, который уже упал в колодец [1]. И он был должен ей, но уже расплатился! Он даже помог вернуть имущество их семьи и помог семье жертвы.

— Кто-нибудь, приготовьте мне лошадь! — он равнодушно приказал, и ловкий охранник тут же привёл ему лошадь.

Мэй Ли, которая всегда спала шатко, была разбужена его словами. Её смущённые глаза прояснились, и она увидела, как Цзинсюань берёт поводья скакуна неподалеку.

За грудой войлока Юнхэ смутно проснулся, вытер лицо и вскочил:

— Цзинсюань-гэ? Вы возвращаетесь в столицу?

— Мг. — Цзинсюань повернулся на своей лошади, аккуратно и уверенно. — Позаботься о Лао Цзунун. На стороне Его Величества Цзы Ю. Если есть что-нибудь, можешь спросить Цзы Ю. — сказал он, глядя на свою лошадь и поглаживая её по гриве.

— Хорошо. — Юнхэ кивнул.

Мэй Ли медленно встала. Она не знала, что теперь делать. Она знала, что у неё будет много шансов встретить его в будущем, и если она будет продолжать избегать его, им обоим будет неловко, верно?

— Вы [2]... — она сделала паузу, когда впервые уважительно обратилась к нему, — Будьте осторожны в пути.

Она благословила его вежливостью.

Цзинсюань сжал поводья и безразлично выдал: «Мг».

Разве не этого он хотел? Чтобы они были отчуждены, как чужие. Очень хорошо. Он зажал живот лошади, и она заржала и быстро убежала.

На секунду он почувствовал укол в груди.

Раньше Мэй Ли не была такой вежливой. Её толкнули в тёмную клетку, как хитрого зверя, и она вышла нежной и уступчивой, как кролик. Какая боль привела к таким радикальным изменениям?

Он гнал хлыстом, ветер в ушах звенел её кричащим голосом прошлой ночью: «Помогите... Помогите мне...»

Тем временем во время охоты Император повёл мужчин собирать добычу, а женщины пришли подбодрить их, играя на лесных склонах. Но Мэй Ли не присоединилась к ним и отправилась к Сяо Чжуан, чтобы прислуживать ей.

Увидев явные следы недосыпания, Сяо Чжуан пожалела её и особенно попросила кого-нибудь обслужить её и позволить ей восполнить свой сон. Поскольку Мэй Ли хотела избежать толпы, она согласилась.

К ней прислали обслуживать девушку. Мэй Ли попросила её присматривать за ней и оставаться рядом с её кроватью, чтобы она могла немедленно разбудить её, если та снова закричит.

Когда она проснулась, время обеда уже миновало. Мужчины уже устали после утра, полного верховой езды и охоты. Женщинам тоже надоело смотреть, и все вернулись вздремнуть.

Маленькая служанка, оставшаяся рядом с Мэй Ли, стала такой сонной после того, как так долго охраняла её, что извинилась, прежде чем отступить.

Мэй Ли умело собрала свои волосы в простой пучок. Поскольку в Аннинг-холле её больше никто не сопровождал, она давно привыкла заниматься своими повседневными делами, что эта задача стала для неё невероятно простой.

Когда она вышла, кроме патрулирующих охранников вокруг никого не было. Хотя солнце в этот полдень немного палило, Мэй Ли чувствовала себя очень тепло и комфортно. Она шла к реке и наслаждалась одиночеством, она не могла не улыбнуться.

Она сидела у реки и смотрела на журчащую воду, схватила несколько камешков и бросила их в воду один за другим, вызывая мелкие брызги. Она не могла не рассмеяться. Два года

одиночества и унылой жизни заставили её научиться развлекаться простыми вещами. Потому что тогда, если бы она этого не делала, она могла бы сойти с ума.

Когда она искала ещё один хороший камешек после того, как бросила последний, она мельком увидела пару знакомых великолепных ботинок. Она была ошеломлена и посмотрела вверх. Солнце освещало красивую фигуру и создавало ослепительное зрелище, ей приходилось прищуривать глаза, чтобы ясно видеть.

Она была ошеломлена. Как это мог быть он? Разве он не вернулся в столицу?

Она быстро встала и увидела, что рядом с ним больше никого нет. Она была действительно необъяснимо смущена и на мгновение застыла на месте.

Он молча смотрел на неё. Она явно была довольно высокой девушкой, но из-за стройной фигуры и чётких черт лица казалась меньше, чем раньше.

Её длинные ресницы уже не выглядели такими высокомерными и грубыми, как раньше. Они теперь полусвисали, плотно закрывая её ясные и спокойные глаза. Эти глаза когда-то были очень красивыми, но их блеск стал тусклее. Но всё-таки каким-то образом в ней было такое неопишное очарование, излучающее сейчас покорность и упрямство.

— Вот. — Цзинсюань протянул ей бумажный пакет.

Он не знал, почему он был расстроен и раздражён. Он явно сожалел о страданиях, которые она перенесла за последние два года. Раньше она просила его купить ей различные закуски, но он игнорировал все её просьбы. Теперь, когда он подумал об этом, он решил, что должен компенсировать ей только один раз.

— Что это?

— Конфеты цзунцзы [3]. — он холодно промычал очень недовольным голосом.

Её руки, спрятанные в рукавах, слегка дрожали, эти слова вызвали одно воспоминание.

Тогда, когда она узнала, что Цзинсюаня отправили в Южный кабинет [4], она тихо пробралась внутрь и увидела, что он читает книгу. Она подскочила и кокетливо обняла его за шею.

Он отругал её и попросил отпустить его, сказав ей, чтобы она действовала прилично.

Вместо этого она даже пригрозила ему, что не отпустит его, пока он не пообещает купить ей конфеты цзунцзы. Она громко прошептала рядом с его ухом: «Больше всего я люблю конфеты цзунцзы», надеясь, что они дойдут до его слуха и он запомнит, что она их любила. Она надеялась, что всякий раз, когда он увидит конфеты на улице, он будет вспоминать её.

Теперь она могла только горько улыбнуться.

Когда она впервые вошла в Зал Аньнин, Цзы Цин-Цзе тайно пришла к ней в гости и принесла ей большой пакет конфет цзунцзы. Она была вне себя от радости и думала, что это Цзинсюань купил для неё. Цзы Цин поколебалась и сказала, что купила их сама.

Она бережно хранила конфеты и не хотела их есть. Она ела только одну, когда действительно скучала по нему.

Ранее она слышала, как несколько придворных дам и евнухов высмеивали её принятие

желаемого за действительное. Только тогда она узнала, что Лао Цзунун использовала свою ошибку, чтобы отдать ей Цзинсюаня, сказав, что пока Мэй Ли находится под крылом Цзинсюаня, она, естественно, будет спокойной и зрелой и больше не будет искать неприятностей.

Но Цзинсюань отказался быть использованным. Он даже на самом деле просил императора, чтобы вместо брака она могла ещё и повзростеть, если ей увеличат наказание.

Она не могла поверить, как он ненавидел её!

Поэтому, когда Цзы Цин цзецзе пришла к ней, она уже знала, что для него значит, но всё же не теряла надежды и всё же спрашивала, не из рук ли Цзинсюаня конфеты.

Цзы Цин Цзецзе плакала и просила её больше не заикливаться на нём, перестать мучить себя этой односторонней любовью.

В ту ночь она всё ещё не могла поверить в правду. Она съела кусочек конфеты цзунцзы. Это было так горько! Сахар был ещё хуже китайской золотой нити [5], горечь конфеты перешла от её уст к сердцу.

Она не верила в зло [6], поэтому съела ещё кусочек. Но почему конфета всё ещё была такой горькой?

Когда она, наконец, похоронила все конфеты цзунцзы, она приняла горькую реальность. С тех пор она никогда больше не ела эти конфеты. Она никогда больше не хотела чувствовать горечи.

— Спасибо. — она посмотрела на сумку в руке, которая прибыла с опозданием на два года. — Мне больше не нравятся конфеты цзунцзы.

Цзинсюань нахмурился, а затем без колебаний бросил бумажный пакет в реку. Он действительно такой человек.

Он развернулся и уже собирался уйти, когда она остановила его.

— Цзинсюань-гэгэ.

Он замер на мгновение. Она снова назвала его Цзинсюань-гэгэ? Казалось, как бы она его не называла, будь то фамильярное Цзинсюань-гэгэ, или формальное и далекое «вы», ей всё равно будет просто не по себе.

Он холодно посмотрел на неё. Если бы она подумала, что конфета символизирует их возвращение к тому, что было раньше, то он обязательно сказал бы ей правду: у него никогда не было ни малейшего хорошего впечатления о ней! Ни в прошлом, ни сегодня. И никогда в будущем.

Но она только посмотрела на него и горько улыбнулась. Опять такая улыбка! От этого у него необъяснимо болела грудь.

— Цзинсюань-гэгэ, ты не должен чувствовать себя виноватым. — вместо этого она, казалось, утешала его. — Всё, с чем я столкнулась, связано с моими собственными действиями и является моей ответственностью. Вместо этого я благодарна за два года, проведённых в холодном дворце. Я смогла жить спокойнее. Я знала, что всё ещё должна дать старухе кое-

какие объяснения.

Он просто молчал.

— Цзинсюань-гэгэ, у меня не было возможности поблагодарить тебя... имущество, которое оставили мои родители...

Но он снова развернулся и ушёл. Он не хотел слушать, что она собирается сказать.

Глядя на его удаляющуюся спину, она вдруг снова почувствовала эту горькую печаль. Это всегда было так. Она... смотрела ему в спину.

Это будет последний раз, когда она назовёт его Цзинсюань-гэгэ.

Она сказала всё, что должна была. С этого момента они станут чужими. Поскольку у них никогда не было прошлого, не будет и будущего.

Когда они снова увидятся, она назовёт его Принцем [7]... или просто «ты».

[1] Идиома, которая означает ударить человека, который уже упал.

[2] Мэй Ли использовала термин 你 (нин), который является более уважительным способом сказать «вы».

[3] 宗子糖 (zongzi tang) — одна из старейших китайских конфет. Они были названы в честь цзунцзы, закуски из клейкого риса, которую едят во время празднования Фестиваля лодок-драконов. Но конфета только в форме цзунцзы и сделана из мальтозного сахара, лепестков роз и кедровых орешков.

[4] Это было учреждение, которое обладало наивысшей политической властью во время правления императора Канси, и должностные лица, отправленные в кабинет, были предназначены для того, чтобы император имел легкий доступ к кому-либо, когда ему нужно немедленно обратиться за советом или обсуждением.

[5] 胡 (хуанлянь) или коптский китайский. Горькая традиционная китайская медицина.

[6] Идиома, что означает, что она отказалась сдаваться и имеет слепую решимость, традиционно её также можно использовать, когда вы отказываетесь верить в суеверия или какие-то божественные события.

[7] 万 (ванъе), его титул.

<http://tl.rulate.ru/book/76998/2330038>